

В любом случае, даже без использования магии, справиться с несколькими простыми смертными было бы проще простого. Чу Юэси, держа в руках миску с кашей, подошел к Цинь Чжану и ухмыльнулся, что испугало окружающих слуг. Они подумали, что он сошел с ума от гнева из-за императорского указа и решил отравить будущего супруга, добавив яд в кашу.

— Генерал, я велел приготовить кашу. Поешь немного, чтобы подкрепиться.

Цинь Чжан сжал кулаки и горько усмехнулся.

— Какое теперь я генерал? Ваше высочество, вы можете просто называть меня Цинь Чжан.

Чу Юэси слегка помрачнел, осторожно подул на ложку с кашей и поднес ее к губам Цинь Чжана. Тот колебался, но в конце концов открыл рот и проглотил кашу. В животе сразу же разлилось тепло, что заставило его почувствовать себя еще более неловко.

— Генерал, не принижайте себя. Вся страна знает, что вы, белый генерал Чу, в семнадцать лет получили титул хоу. Даже сейчас вы остаетесь генералом, удостоенным титула Шэньвэй. Хотя ваше тело еще не восстановилось, с помощью хорошего врача вы обязательно поправитесь.

Цинь Чжан промолчал, его губы искривились в горькой усмешке. Теперь слова «генерал Шэньвэй» звучали для него как насмешка.

Чу Юэси заметил, что после каши на бледном лице Цинь Чжана появился легкий румянец, и обрадовался. Он взял его за руку, но Цинь Чжан, не привыкший к такой близости, попытался отстраниться, но безуспешно.

— Генерал, через месяц я стану вашим супругом. Если мы будем так обращаться друг к другу, это будет слишком формально. Может, вы скажете мне, как вас называли в семье?

Чу Юэси улыбнулся, помахивая рукой Цинь Чжана. Несмотря на то, что тот сильно исхудал и все время держал глаза закрытыми, было видно, что он когда-то был красив и статен. Чу Юэси помнил, как однажды увидел его и был поражен его внешностью. Теперь, когда он оставил его рядом с собой, он был полон решимости вернуть ему былую красоту.

Цинь Чжан снова замолчал. Спустя долгое время, возможно, не в силах противостоять настойчивости Чу Юэси, а может, уже не так сопротивляясь теплу его руки, он наконец заговорил.

— Хуайчжан. Так меня называла моя мать.

Чу Юэси тихо повторил это имя, и его глаза засияли.

— Красивое имя. Очень красивое. Теперь я буду звать тебя Хуайчжан.

Цинь Чжан кивнул, но вдруг почувствовал, как его тело стало легче, и он снова оказался на руках у Чу Юэси. За один день это уже третий раз, когда он едва сдерживался, чтобы не открыть глаза.

— Не бойся, я отведу тебя помыться и переодеться.

Чу Юэси нес его на руках, и на его лице появилась радость от того, что он наконец сможет отплатить за доброту. Слуги, увидев это, были напуганы и удивлены. Они не могли поверить, что за такой короткий срок князь Си стал так относиться к генералу Цинь, и их уважение к нему только возросло.

Цинь Чжан почувствовал, как его тело медленно погружается в теплую воду, затем услышал, как открывается дверь и слуги ходят туда-сюда. Когда шаги стихли, руки начали осторожно мыть его.

Он подумал, что Чу Юэси ушел. Ведь князь Си с детства привык к роскоши и избалованности. Даже если он играет роль, он не станет унижаться, чтобы лично ухаживать за ним. Но едва он расслабился, как услышал голос Чу Юэси позади себя.

— Кто нанес тебе эти раны?

Чу Юэси смотрел на выступающие ребра Цинь Чжана, покрытые шрамами. Некоторые из них были получены на поле боя в молодости, другие же были следами побоев. Многие места на его теле были покрыты синяками, выглядевшими ужасно.

В его глазах вспыхнула ярость, и перед ним встали образы останков, которые он нашел на кладбище в прошлой жизни, изъеденных дикими собаками. В уме он перебрал имена всех членов семьи Цинь.

Цинь Чжан на мгновение замер. Он был человеком с поля боя и остро чувствовал убийственные намерения. Хотя он уже девять лет был инвалидом, он ясно ощутил мимолетную вспышку убийственного намерения от человека позади него.

Он... переживает за меня?

Мысль, которая пронеслась в голове Цинь Чжана, была настолько неожиданной, что он тут же ее подавил.

Он сглотнул, чувствуя, что князь Си действительно умеет обманывать. Несколько раз он уже поверил ему, но теперь твердил себе, что больше никогда не станет доверять людям из семьи Чу, ведь у них нет сердца...

— ...Их слишком много, я не помню.

Эти слова едва не заставили Чу Юэси пойти и устроить резню в доме генерала.

Он опустил полотенце в горячую воду и начал осторожно вытирать бледное и хрупкое тело Цинь Чжана, стараясь не причинить ему боли. Но именно эта осторожность и нежность заставили Цинь Чжана стиснуть зубы и с трудом сдерживаться. Это было хуже, чем боль, и он чувствовал, что вот-вот сломается.

Чу Юэси казался ему страшнее всех, кто когда-либо причинял ему боль. Те люди приносили только страдания, а его нежность и забота могли сломить его окончательно.

— Ваше высочество, я... я сам...

Наконец, Цинь Чжан не выдержал и схватил руку Чу Юэси, дрожащим голосом попросив остановиться.

Чу Юэси замер, глядя на его глаза, покрасневшие от пара, с длинными ресницами, покрытыми каплями воды. Он выглядел жалко, и Чу Юэси не удержался, чтобы не стереть эти капли пальцем. Цинь Чжан вздрогнул и резко отстранился, словно испугавшись.

— Ты боишься меня?

Глаза Чу Юэси помрачнели, и в его голосе послышалась обида.

Цинь Чжан почувствовал, как сжалось его сердце. Ему вдруг показалось, что он сам обидел человека. Ему было двадцать шесть, а князю Си, вероятно, около восемнадцати. Он был старше его на целых восемь лет, и Чу Юэси был даже младше его младшего брата. Его обиженный тон заставил Цинь Чжана почувствовать, что он обижает ребенка.

— ...Ваше высочество, я не смею...

— Юэси. Меня зовут Чу Юэси. Теперь ты можешь так меня называть.

Чу Юэси начал распутывать спутанные волосы Цинь Чжана, но они были так запутаны, что образовали плотные узлы. Он долго пытался их распутать, но безуспешно, и тихо спросил:

— Хуайчжан, твои волосы запутались. Можно я немного подрежу их?

Он, хоть и был лаской, достигшей просветления, знал человеческие обычаи. Волосы и кожа даны родителями, и обрезать их — значит проявить неуважение к предкам. Но Чу Юэси не

испытывал никакого уважения к старику Цинь Юаньхуа, хотя и переживал, что Цинь Чжан может вспомнить свою покойную мать.

Цинь Чжан, еще не оправившийся от предыдущих событий, машинально кивнул. Чу Юэси взял ножницы и аккуратно подрезал узлы, распутал волосы, вымыл их и осторожно расчесал.

— Я знаю, что ты многое пережил за эти годы, поэтому и хочу стать твоим супругом, чтобы быть рядом с тобой.

— Этот указ не от императора. Я сам, хромя, пошел и попросил его. Не бойся меня. Я знаю, что тебе тяжело жениться на мужчине, но я действительно хочу помочь тебе. Когда ты поправишься, если захочешь найти женщину и жить счастливо, я не буду тебе мешать. Но пока позволь мне заботиться о тебе, хорошо?

Цинь Чжан окончательно замолчал, сжав кулаки под водой. Он чувствовал, как чьи-то руки осторожно расчесывают его волосы, как когда-то это делала его мать. Нежные движения и теплые пальцы едва не заставили его заплакать.

Может быть, он слишком долго был в холоде, может, слишком долго был один, а может, просто дошел до предела. В этот момент он так жаждал этой мимолетной нежности и тепла. Он знал, что сердца королевской семьи холодны и жестоки, но все равно не мог удержаться, чтобы не тянуться к этому теплу.

Ладно, посмотрим, сожжет ли это тепло его до основания.

— Хорошо.

— Тогда я сейчас вынесу тебя?

Чу Юэси улыбнулся и увидел, как на бледном и худом лице Цинь Чжана появился легкий румянец.

— Ва-Ваше высочество...

— Хуайчжан, ты снова забыл.

— ...Юэси...

— Мм, не двигайся.